

А. А. СМИРНОВ

О последней книге Розанова *

Книга В. Розанова посвящена целиком вопросу о ритуальных убийствах у евреев. Она составилась из статей, напечатанных за время разбора дела об убийстве Ющинского, с присоединением нескольких статей, написанных еще в 1911 г. Эти последние являются ясным указанием на то, что точка зрения Розанова на вопрос возникла у него не только в связи с упомянутым делом и на подкладке его, но вытекла органически из основных черт его личности и мироощущения. Впрочем, едва ли есть надобность доказывать это тем, кто помнит прежние писания Розанова, хотя бы его «Письма о юдаизме», напечатанные им в «Новом пути» лет десять тому назад¹. Мы не находим в книге вполне ясной формулировки мнений автора. Есть немалая разница, иногда даже противоречия, между отдельными главами-статьями. Кроме того, очень трудно отличить мысли самого Розанова от мыслей его корреспондентов, письма которых он печатает. Все это очень характерно для Розанова и нам давно знакомо. В общем, сквозь массу недомолвок можно уловить следующее. Розанов считает, что ритуальные убийства совершаются не отдельной какой-то сектой хассидов, а еврейством в целом. Но при этом он отрицает, что убийства эти вызываются чувством ненависти. Нужна детская кровь, все равно чья, но своего, еврейского ребенка убить «страшно, жалко»; потому только берут ребенка христианского (с. 127). Не верит Розанов и в средневековую (так он сам выражается) легенду об употреблении евреями крови в пищу, в частности, как примесь в маццу. «Ритуал, — говорит он, — состоит просто в пролитии крови, обонянии и осязании ее». Точка зрения странная, оригинальная и не совсем совпадающая с «взглядами» крайней правой печати.

* В. В. Розанов, «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», СПб., 1914.

Говорить о Розанове трудно, неимоверно трудно. Мерки, с которыми приходишь к оценке всякого другого писателя, к нему неприменимы, — до того он скользок и неуловим, до того он весь в намеках, недомолвках! Сам Розанов целиком «по ту сторону» не только добра и зла, но и истины и лжи. «Мысль изреченная есть ложь» — не сознательный девиз его, а самое существо его мышления. Он весь в антиномиях. Проверять Розанова, ловить его на ошибках, противоречиях и передержках — нечто в настоящее время совершенно излишнее и ненужное. Только о том, что есть ценного в писаниях его, и стоит говорить. Выделить же это ценное нелегко, а проглядеть его очень просто. Между тем несомненно, что часто Розанов видит больше и глубже, чем другие; всматривается, осязает глубже и как-то особенно «по существу». Когда Розанов высказывает что-нибудь явно неверное, решение вопроса о том, заблуждается ли он добросовестно или сознательно искажает истину — неважно, ибо самый вопрос этот о нем не может ставиться. На с. 79 его книги имеется изумительное описание крота, существа не то надземного, не то подземного, которое ныряет, плавает и дышит в земле. Таким кротом является и сам Розанов. Он плавает в какой-то таинственной стихии мысли и чуткости, которая еще не дифференцировалась на истину и ложь. Но все, что он говорит, если не *есть*, то *могло бы быть*, ибо всегда касается какой-то *сути*.

Книга Розанова — одна из самых интересных и, может быть, самых значительных из всего, что писалось по этому вопросу, — конечно, если выйти из плана позитивного рассмотрения его. Я лично не верю в правильность ни одного из предположений и выводов Розанова. Некоторые ошибки и ложные толкования бросаются в глаза. Поистине удивительное открытие сделал Розанов, найдя текст о вкушении крови евреями (это после того, как перед тем он доказывал, что евреи не вкушают, а лишь обоняют и осязают кровь!). Моисей разгневался на Елеазара и Ифамара: «Вот, кровь ее (жертвы) не внесена внутрь святилища, а вы должны были есть ее на святом месте, как повелено (Богом) мне» (Левит X, 16–18). С таким же успехом на основании фразы: «девочка принесла мне булку, и я с жадностью стал ее есть», Розанов мог бы доказывать, что рассказчик съел девочку. Ясно, что все дело в совпадении рода; «ее» в тексте относится к «жертве». Неужели Розанов не видел этого?.. Неужели в виду явной грамматической двусмысленности ему не пришло в голову взглянуть в текст на языке, на котором слова «жертва» и «кровь» разного рода, напр<имер>, на французском? Еврейский текст, как мне сообщил один профессор, специалист по семитическим

языкам, не допускает сомнений в том, что «ее» относится к «жертве». Но и без этой справки, по смыслу нужно перевести не так, как это делает Розанов. В предыдущих строках говорится о крови и жертве (обескровленной! Кому, как не Розанову, это знать!) как о двух разных вещах. При этом высказывается повеление съесть *жертву*. Ergo... А ведь Розанов умеет читать Библию, понимая... Неприятно читать рассказ Розанова о том, как однажды в доме одного *еврея* собравшиеся его друзья — *русские* — пробовали, *в шутку*, вкус крови *еврейского* юноши². В этом Розанов видит проявление еврейского атавизма! Можно ли представить, чтобы он мог проявить столько непонимания и нечуткости?.. В вопросах истории и филологии Розанов зачастую наивен и не осведомлен. Неприятно действует и ссылка в предисловии на двух анонимных ученых, и псевдонимы (Омега, Под Забралом) авторов печатаемых Розановым писем. Лучше уж говорил бы он только от себя и за себя.

Но все это, и даже еще большее, хочется забыть и опустить ради основного: книга переносит вопрос из плоскости социальной и исторической в единственно правильную плоскость — *религиозную*. Розанов во всей полноте оценил тот факт, что ни у одного народа из существующих ныне, по крайней мере в Европе, религиозность, не заостреневшая в качестве формального, подчас бездушного исповедания догмы, но как чувство переживаемое и направляющее всю деятельность, не сохранилась в столь живой и интенсивной форме, как у евреев. Пусть все толкования Розанова, касающиеся еврейской религии, ложны, — самый подход его к вопросу и ряд проникновенных наблюдений не должны быть пропущены никем, кому ценно рассмотрение подобных вопросов по существу.

Может показаться, что в настоящей книге Розанов сильно изменил свои прежние воззрения. В знаменитой, так ярко выраженной им антитезе Христос—Израиль, Новый и Ветхий Завет, прежде он явно гораздо более тяготел к Ветхому Завету, к Израилю. Изменение (не эволюция, конечно!) центра тяготения у Розанова началось уже раньше (см., напр<имер>, «Темный Лик», 1911 г.). Теперь же он не находит для евреев (т. е. для юдаизма) иных слов, как «вы порождения ехиднины», «ваш отец дьявол есть»... (с. 98). На деле, однако, разницы почти нет. Антитеза Христос—Израиль была Розановым с самого начала развита как неразрешимая *антиномия* (как и все его мышление протекает в антиномиях). Почему *прежде* он тяготел более к Израилю, а *теперь* к Христу, а не наоборот, — вопрос, который для существа дела не имеет значения.

Не буду разбирать частностей книги. Отмечу лишь одно удивительное обстоятельство. Никто до сих пор не реабилитировал еврейства в такой полной мере и так по существу от взведенного на него чудовищного нареkania, как Розанов. *Все* говорит за то, что ритуальных убийств евреи не совершают. Но *если бы* что-либо подобное существовало, это следовало бы признать не актом злой воли, испорченности, чего-то порочного, но актом чистейшего и величайшего, хотя бы изуверского, проявления религиозности. Разъяснение того, что о какой-либо «гнусности» здесь не может быть речи, — заслуга Розанова. Ведь не назовет же ни один образованный человек «гнусностью» действия хотя бы наших скопцов, хотя они и преследуются законом! Если людям темным этого величайшего различия не понять, то людям сколько-нибудь культурным оно должно быть ясно. Между тем, известный «протест против кровавого навета» вопроса не исчерпал. Он был продиктован чувством негодования против ни на чем не основанного обвинения целого народа. Но в тоне его может почувствоваться отношение к «навету» как к обвинению в чем-то порочном. И если бы вдруг оказалось, что нечто вроде ритуальных убийств существует (??), весь протест легко мог обернуться камнем, брошенным в еврейство. Необходимо было перенести весь вопрос в другую плоскость. «Протест» нуждался в каком-то предисловии или *post-scriptum*'е. Такой *post-scriptum* написал теперь Розанов. Сознательно или бессознательно он это сделал — другой вопрос. Все у него неясно, полно недомолвок. Иногда смысл возникает точно помимо воли автора. Приходится как бы читать между строк. Но общий смысл ясен, и мысль говорит за себя.

